

-КЛЕМЕНТИНА БОВЕ-

Ужель
та
самая
ТАТЬЯНА?

роман

Клементина Бове
Ужель та самая Татьяна?

«Самокат»

2016

Бове К.

Ужель та самая Татьяна? / К. Бове — «Самокат», 2016

ISBN 978-5-91759-802-4

Когда Татьяна встречает Онегина, ей 14, а ему — 17. Лето, Евгений скучает... да вы и сами прекрасно всё знаете! Десять лет спустя они встречаются случайно. И вовсе не на балу, а в метро. И Татьяна «не отдана другому», а успешно делает карьеру: закончила университет, защищает диссертацию... Евгений, конечно, понимает, что жить без неё не может... а она? Чем ответит ему она сейчас? Упоительная любовная история, которая читается как речитатив, роман в стихах, на который вдохновили француженку Клементину Бове наши Пушкин и Чайковский. Даже во Франции роман стал литературным событием и бестселлером. Роман «*Songe a la douceur*», который на русском языке выходит под названием «Ужель та самая Татьяна», был опубликован во Франции в 2016 году, стал невероятно успешным — получил приз книжных магазинов *Prix Libraires en Seine* и приз «Выбор блогеров» *La Voix des Blogueurs*, был номинирован на еще несколько наград. Роман написан действительно по мотивам сюжета «Евгения Онегина» — и пушкинского романа, и оперы Чайковского. Действие его перенесено в современную Францию, где переписка героев происходит уже в фейсбуке и в современной стилистике речи. Но ключевые и драматические особенности романа остаются неизменными — это роман о любви и выборе, о чувствах и их выражении. Французская версия романа написана верлибром, в котором много отсылок как к классической французской поэзии, так и к современному языку и культуре. Русский перевод книги сделал Дмитрий Савосин, известный переводчик с французского. Над переводом также работали Настя Тихонова, Марта Лисовская и Мария Маленкова, которые помогли сделать язык романа не искусственным, а звучащим узнаваемо, современно и по-русски. Горячо рекомендуется литературоведам, преподавателям литературы в школах и университетах, всем, кто любит Пушкина и, больше всего, подросткам и молодым людям, которым и адресована эта книга в первую очередь.

ISBN 978-5-91759-802-4

© Бове К., 2016

© Самокат, 2016

Содержание

1	8
2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Клементина Бове

Ужель та самая Татьяна?

*Дорогое дитя!
Унесёмся, шутя,
К жизни новой, далёкой, блаженной,
Чтоб любить и гореть
И, любя, умереть
В той стране – как и ты, совершенной!*
Шарль Бодлер, «Приглашение к путешествию»¹

Clémentine Beauvais
SONGE À LA DOUCEUR

Programme
Августин

Издание осуществлено в рамках Программ содействия издательскому делу при поддержке Французского института в России

Cet ouvrage a bénéficié du soutien des Programmes d'aide à la publication de l'Institut français de Russie

Фантазия по мотивам романа Александра Пушкина «Евгений Онегин» (1833) и оперы Петра Чайковского «Евгений Онегин» (1879)

Перевод Дмитрия Савосина

Издательство благодарит Анастасию Тихонову и Марту Лисовскую за помощь в работе над книгой, а также Викторию Тверитневу и Александру Дыхне за то, что не оставили в трудную минуту.

© 2016 Éditions Sarbacane, Paris

Russian Translation rights arranged through La Petite Agence, Paris

© Савосин Д., перевод на русский язык, 2019

© Маленкова М., перевод Письма Татьяны, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2019

В РОМАНЕ ЗВУЧИТ МУЗЫКА:

Frank Sinatra. «As Time Goes By»

Liza Minelli. «I Will Wait For You»

Sufjan Stevens. «Eugene»

Muse. «Feeling Good»

Fauve. «Les nuits fauves»

Gabriel Fauré. «Au bord de l'eau»

Пётр Ильич Чайковский. Ария Ленского из оперы «Евгений Онегин»
Лео Делиб. Дуэт цветов из оперы «Лакме»
Sufjan Stevens. «Death With Dignity»
Jane Birkin. «Quoi»
Keren Ann. «Not Going Anywhere»
Françoise Hardy. «Partir quand même»
Leonard Cohen. «Hey», «That's No Way To Say Goodbye»

1

Сия история, читатель, не нова
И плохо не закончилась едва,
Чтоб вовсе не закончиться когда-то.
Теперь другие надобны слова,
Чтоб выяснить – кто виноват?
Онегин ли? Татьяна виновата?

О да – герои моего романа —
Те самые, Онегин и Татьяна.

Расстались...
Где б им встретиться через десять лет?
В метро парижском отыскала я их след,
На линии лиловой
Под названьем «Метеор»
Пускай возобновят они
Свой незаконченный любовный спор.

А почему бы нет?
Зимнее утро. Без четверти девять.
Вот и Евгений. Входит в вагон.
В вельветовых брюках, оксфордской рубашке,
Шарф кашемировый в два оборота
Вокруг тощей шеи,
В куртке из твида;
И хоть довольно солидного вида,
Но с лицом с тех пор подобревшим

И даже мягким, подвижным.
Ждать и терпеть научился он.

А Татьяна – вообразите! —
Только вчера о нём вспоминала.
И можно бы это счесть совпадением,
Когда бы не думала она о нём частенько.

Не удивляется пусть читатель, —
Он ведь тоже немного мечтатель;
И, вспоминая свои романы,
Которых уж несколько лет
Как простыл и след,
Он позволяет себе невинному
Поддаться обману:
Ведь сожаленье не капиталов вложение —
У него кредитной истории нет.

В чём этой случайности предназначение?
Взгляните только – как растеряны оба...
А что, если сделать для них исключение?
А что, если это – любовь до гроба?

И вот Татьяна с радостью наигранной
Ему кричит: «О, сколько лет прошло!»

Он рядом с ней садится; и напротив,
В стекле вагонном, видит отражение
Свое, а выше на стекле сияет
Круг жира – отпечаток головы
Честолюбивого, наверно, пассажира,
Который решил оставить след свой здесь.
А рядом – отражение Татьяны...
Тут поезд с рёвом набирает ход.

Повороты и разгоны здесь круты и неуклонны; на четырнадцатой линии невозможно спокойно стоять и болтать или читать; линия скоростная, везёт далёко, это преимущество, так что, пожалуйста, без упрёков.

И Татьяна просто смотрит на отражение их лиц в вагонном стекле.
Евгений кричит ей: «Что подельываешь? О, да ты беременна!»

Да вовсе нет!
Но как раскрыть ему секрет,
Что сама, каждое утро,
Прикальывает на пальто значок
С надписью в белом круге:

Я ЖДУ РЕБЁНКА!

И ниже – мелким шрифтом: «Спасибо, что уступили мне место!»
– Чтоб уступал ей каждый дурачок.

А ведь уже Евгений сделал умозаключение,
Хотя и сбитый с толку,
Удивлён,
Что сам так этим удручён.

А было этому простое объяснение.
В метро парижском в утренний час пик
Места сидячие все заняты; Татьяна
Купила пару месяцев назад
Значок, служивший ей, как в сказке, «сезамом»:
Особенно нравилось ей, грешным делом,
Улыбнуться вежливо и умильно,
Когда любезные господа пожилые,
На пальто её значок увидев,
Вскакивали, будто на сковородке
Задницы им поджаривали черти.

А она-то, простота святая,
Улыбалась и уж так благодарила,
Вот села, потупив очи прескромно.
А что ж? Да она и не скрывает!..
И Евгений тогда пустился
В обычные досужие разговоры,
Вспомнив всё, что слышал когда-то где-то:
О материнства стороне моральной,
Выборе имени,
пелёнках,
кормлении грудью
И какая у беременных диета,
И об анестезии эпидуральной.
Сидели и обсуждали всё это,
Будто для первой после стольких лет беседы
Лучше не могли найти предмета.

По этой линии в час пик изо дня в день
Одни и те же ездят пассажиры
И все спрашивают; а она не может
Всем каждый день рассказывать иное:
Сегодня – двойню ждёт; а завтра – будто с мужем
Решили сохранить ребёночка, больного
уже в утробе; послезавтра – вовсе
что после оплодотворения *in vitro*
Дитя-феномен появиться может;
Или – что пара геев заказала
Ей малыша вынашивать примерно...
Так могут и спросить в конце концов:
«Так может, вы вообще ещё невеста?» —
И больше ей уж не уступят места.

Вот и Евгений наконец
Спросил: «А кто ж его отец?»
«Ах... это Фред».
«Его я знаю?»
«Безусловно нет», —
Поспешно возразила тут Татьяна,
Сама его вообразив весьма туманно.

И тягостная воцарилась тишина.
«Как ты изящен», – молвила она.
«Ах да... спасибо, – отвечал Евгений, —
Да я на похороны. Смена поколений:
Мой дедушка велел всем долго жить...»
В ответ Татьяна, не поняв: «Прикольно!» —
Бестактность ляпнув глупую неволью...
Тут голос из динамика сказал:
«Следующая – Лионский вокзал».

Не зная, что сказать, они сидят,
А за окном плывет роскошный сад,
Тропический².

(Тут отвлекусь: одно воспоминанье —
Как я мечтала в детстве подглядеть
В окно, как прыгают мартышки
И змеи ползают среди зелени густой.)

И распахнулись двери. Остановки
Здесь объявляют до сих пор
Не только по-французски...

«Bajada el lado izquierdo».
В те годы детские, когда всё было ново,
Отца спросила я: «А это что за слово?»
Он объяснил мне: это для испанцев —
Вдруг выходить им на одной из этих станций?

(А мне одиннадцать, и за спиною ранец;
Я знать не знаю, кто такой испанец,
И, вовсе никаких других не зная стран,
Воображала инопланетян,
Пластичных и упругих как резина,
Проворнее мартышки и мартына,
Их мириады
толпы
массы
Рвутся в бой
Едва вагон распахивает двери – и гурьбой
Бросаются они в сад, в джунгли и в пампасы.)

Но возвратимся же к нашим героям:
Их воспоминания куда серьезней.
Взгляните вы на них! Обоим туго.
Глядят внимательно на что-то вдалеке...
Так отползают друг от друга
Креветок пара на песке.
А мысли так и бегают по кругу.
Ни та, ни та не варит голова.

---

² Поезд, следующий по линии 14 парижского метро, на подъезде к Лионскому вокзалу проезжает искусственный тропический сад, видный в окно вагона.

Им столько хочется сказать друг другу,
Но не приходят нужные слова.

Да, так бывает, если всё прошло, забылось даже.
И только голос внутренний один нам правду скажет:
«Мы оба трусы».
«А ты куда?» – спросил Евгений.
«В Национальную библиотеку.
Я каждый день туда мотаюсь
Вот в это время. Так что можем
Мы встретиться ещё разок случайно...»

Да он же деда хоронить...
Вот дура! – осеклась Татьяна.
Но, по счастью,
Бестактности Евгений не заметил:
Он размышлял как раз, что будет делать
Назавтра в час столь ранний... «А зачем
Тебе в библиотеку?»
«Я грызу
Гранит науки. Тему доктората
Себе я выбрала и ею занимаюсь...»
«Ах вот как? И каких наук ты станешь доктор?»
«Искусствоведения. С темой, правда, скромной:
Ты ведь не слышал никогда про такого
Художника – Гюстава Кайеботта?
Нет, не трудись: его никто не знает.
Он мастер девятнадцатого века,
Считается почти импрессионистом;
На самом деле – четче прорисовка предметов,
И более классичен – он ведь был и коллекционером;
Ты мог видеть разве что самые знаменитые его работы —
Париж под ливнем, здания времен Османа,
На речке баржа или под зонтом
Мужчина с женщиной...»
«Да знаю я Кайеботта», – сказал Евгений.
«Вот это да! Ты всё на свете знаешь!»
Что ж, поневоле выдала Татьяна
Всю мелкость своей темы без обмана.
Но всё ж, стараясь сгладить впечатление,
В подробности ненужные пустилась:
Ведь в умозрительном своём труде
О силе жидкости в работах Кайеботта —
Воды проточной, иль дождя, иль речки —
Она стремилась противопоставить
Его предметную манеру – той мазне,
Какой прославились его великие собратья,
Слюнявой, вязкой и слащавой.

Говорить больше не о чем. На душе погано.
«Следующая – Библиотека имени Франсуа Миттерана».
Оба выходят из вагона. Входят на эскалатор. Бедная Татьяна
Левую ногу неловко загородила правой —
Чтоб не было видно стрелки на колготках.
Ох. Как неуклюже.
Спросила будто случайно:
«Так похороны твои недалеко?»
«Нет. Да успею. Пройдусь пешком».

Задумчив Евгений.
На лбу появились лёгкие морщинки;
А ведь их не было когда-то,
Хотя она и могла их предвидеть,
Ведь помнит, какой это был юный сноб, вечно всем недовольный.
Он в юности отчаянный был спорщик
И мировой скорбью полон.
Она ж мечтам предпочитала предаваться
И плыть по воле волн.

И вдруг она спрашивает у самой себя, уж не влюблена ли она в него до сих пор.

«А классно пересечься так, случайно», —
Сказал на эскалаторе Евгений.
Миллион вопросов можно тут задать —
Ни одного не задаёт Татьяна;
О чём же мысль её? Как не влюбиться?
Да чёрта с два! Боится оступиться
Иль за ступеньку шарфом зацепиться:
Недавно показали по ТВ
Про случай страшный: некто, обмотавши шарфом шею,
Так, чтоб конец болтался до земли,
Вступил на эскалатор, не заметив,
Как злополучный шарф застрял в ступеньках;
И шарф пижона насмерть удавил.

«Оставишь мне свой номер?» «Да. Конечно!»
Звонит ему с мобильного. Он – ей;
Нет, телефон за десять лет не изменился.
Нет, её номер у него не сохранился.

«А как там Ольга?» – он спросил лениво,
Когда проталкивались сквозь толпу.
«Прекрасно. Знаешь, у неё две дочки».
«Вот малышу прекрасные кузины!»
Историю со значком она уже позабыла.

Но подвернулся случай объяснить ему, в чём дело: «Знаешь, я совсем не беременна.
Просто прицепляю это, чтобы мне уступали место в метро...»

Евгений от души расхохотался,
Сам удивился такому лёгкому смеху;
Вдруг показалось ему на секунду,
Что он – не он, а подснежник, крокус,
Тот цветок, что пробивает зимнюю ледяную корку
И жадно вдыхает морозный чистый воздух.
Кто не смеялся так, тот вовсе не жил.
«Я говорил себе, что ты слишком молода для такой ответственности».
«Мы всегда чувствуем себя слишком юными для ответственности».
Таков Татьяны был ответ...
«До конца поездки храните билет!»

Вздохнувши словно про себя,
Татьяна говорит: «Ах да,
А под рукою ни фреда...»
«А где ж он, Фред?»
«Ну, то есть нет поблизости френда,
А я продлить забыла проездной билет».
«И где же Фред?»
«Его придумала я только что, в вагоне».
«Так Фреда нет в природе? Ну и ну!»
«Сама не знаю, что несу сегодня».
Смущённо предлагает ей Евгений,
как будто снова им двенадцать лет:
Пройти вдвоём, обнявшись, через турникет, —
Тогда не надо предъявлять билет.
«Давай ты впереди». Татьяна ненароком
Прижалась слишком тесно...
тут тряхнуло током
Обоих... что? уж не судьба ли? Нет, —
Ехидный им попался турникет,
Ведь каждый в шерстяное был одет.

Вот вышли из метро, и тут Татьяна
Втыкает свой просроченный билет
В неприязнительную городскую икебану
Обычной урны:
Среди окурков сигарет
И фантиков от недоеденных конфет.
И ветром улица врывается в их души,
Тем самым, что всегда меж четырех
Библиотечных башен
Резвится – даже в августовском пекле,
Когда весь город плавится и тлеет как уголь,
Он уличные лестницы трясет немилосердно.

И тогда кажется – четыре эти высоты
Вызов бросают аэродинамическим аксиомам:

Что же это – чудо или архитектора причуда?

А как брюзжат, как ворчат все прохожие:
Это что же, на что же похоже,
Будто впрямь торнадо, о Боже,
И невдомёк этим снобам,
Как с ветром-озорником хорошо небоскрёбам,
Как он в пинг-понг с ними весело играет,
Как девчонкам юбчонки задирает,
Как азартно из листвы осенней
Рисует на тротуаре картины, которых нет вдохновенней.

Но так устроен мир – и, как ни жаль,
Что радость для одних, другим – печаль.

Идут Евгений и Татьяна,
Бушует ветер-озорник.
Как смотрят друг на друга странно!
Как странно взгляд отводят вмиг!

Так продолжать они могли бы долго,
Когда б не встретился им новый персонаж:
Высокий
И, наверное, красивый,
Как бывает красив холодный мрамор,
Или кора деревьев;
Властного вида,
Чувственный,
Быть может,
Если чувственны объятия зелёной кроны
И мускулистых седоватых туч.
Эту красоту треснувшего минерала,
Красоту материи грубой,
Пугающую и притягательную,
Эдмунд Бёрк³ назвал бы «возвышенной».

«Татьяна, что за чудо, что за тайна!
Неужто вы!
Как я хотел сегодня встретить вас случайно
И здесь, среди нашего излюбленного круга...»
«Хочу я моего представить друга:
Научный мой руководитель
Классный препод...»
Совсем уж неохота говорить с ним
Что за бред
«Месье Лепренс искусствовед!

---

³ Эдмунд Бёрк (1729—1797) – английский писатель, консерватор по убеждениям; в юности написал работу «О происхождении наших идей возвышенного и прекрасного».

Учёности и кладезь и носитель.
Импрессионисты – вот его конёк!
Уж в них он дока среди док».
Как губы розовы её
И от мороза трескаются больно
О эта ямочка на подбородке
Хватит всё довольноно
а прядь кошачьей шерсти на кашне
малиновом

Что ж это? Я смотрю подобно ротозею
«Великий человек!
Курирует музеи...»
Татьяна с ним – ого-го ну и пара
«...так долго изучал
Наследье Ренуара...»
Какой рюкзак она таскает каждый день
Конспекты книги доверху набит и ей не лень?
«До тонкости он знает Кайеботта.
И наша с ним совместная работа...»
Один Евгений толком никого не знает отчего-то
«...и переписку он читал Дега...»
Ух ты Дега
Всё балеринки да бега
А мне плевать
Да вашу мать
Но надо бы принять участие в разговоре
Сказал тогда Евгений: «Не могу я спорить,
Но вы напомнили мне, что и я, как все,
Бывало, заходил в музей д'Орсе...
Как жаль, что вас я там не встретил...»

Тут подлетел бродяга ветер,
Взъерошил волосы Татьяны,
Копною бросил прямо ей в лицо,
И она, вся подставившись ему,
Улыбнулась
Ослепительно,
Белоснежно,
Нежно.

«Что сегодня поддельваете, дорогая Татьяна?»
Евгений видит её зубы: ровные, словно перламутровые.
Раньше у неё таких не было.
Подожди, —
Ведь тогда она носила брекетты?..
Когда это? Десять лет прошло... а сколько же ей было?
Четырнадцать!
Не может быть!.. Неужто!..

В четырнадцать-то ты была ещё набросок!..
Вы поглядите только на Татьяну эту!
«...читаю Валери
По вашему совету...»
Как изменились зубы, волосы, а кожа как свежа!
Её другую помнит он: но та была подросток,
Как плохо с ней тогда я обошёлся,
Вот как полезно вспоминать бывшее,
Казавшееся ясным...

И вдруг его как будто осенило:
А самому-то сколько тогда было?
О чёрт! Семнадцать. Псевдовзрослый парень —
Вот кем он был. *А много ль перемен*
Во мне с тех пор...
Фантастика! Семнадцать!
Бывает ли вообще семнадцать лет?
Такого возраста в природе нет.
Его придумали для седовласых старцев,
Чтоб утешались, в зеркало смотря,
И вспоминали, как вились густые кудри,
И воскрешали то бывшее-призрак:
«И нам, и нам когда-то было
Семнадцать...»
Нет, не было, и никогда, и никому на свете.
И тут Евгений кое-что заметил...
«Вам – помогу всегда я.
Это – свято».

Велеречив великий чел, ума палата,
Заоблачный и неземной, как Бёрк,
И тем странней такая прыть...
«Я ум и свежесть вижу
В ваших рефератах...»
Неужто сам её он хочет закадрить?

Да, несомненно – ведь и он заметил,
Какую шутку разыграл с её головкой ветер,
Улыбку, перламутр зубов.
«...и мне не терпится
Послушать ваш доклад...
В четверг ближайший он назначен?
Как я рад».
Лишь четверть часа, как её Евгений встретил,
Забыв о ней на целых десять лет, —
Но он уж твёрдый хочет знать ответ:
А не было ль чего меж ней и этим...
Кому так улыбается Татьяна?

Ревнив Евгений, как боец из «Талибана»,
Иль муж крутой – из тех, что в час полночный
Садятся к телевизору нарочно
Затем лишь, чтобы с радостью порочной
Мозги вправлять супругам, слабым сердцем и умом,
Твердя им: «Твой Рок Вуазин⁴ – слащавое дерьмо».

Да полноте,
искать соперников везде —
Пристало только Синеи Бороде.

Но от слащавости, напыщенности этой
Евгений, в самолюбии задетый,
Впервые в жизни
В подсознание
желание
Ощутил
Разодрать в кровавые клочья эстета.
«Простите заинтересованность мою:
О, написали вы прекрасную статью...»
Или лучше дуэль? Так – достойней поэта.
Ленского секундантом...

Ох, Ленский!.. Согласился б или нет?
О нём не вспоминал я столько лет!
«Мне пора. На девять
Заказ кабинета...»
Татьяну в библиотеке ждёт кабинет.
Помахала рукой. Прощальный привет.
«Было очень классно увидеться, прям приятно...»
Отрадно. Ну ладно.
Расцеловались. Запах сигарет,
Ещё духов, морозца, бергамота.
«Меня ждёт работа.
Читать про Кайеботта...»
Что за фамилия у этого идиота
И Евгений видит
Как спускается Татьяна
По лабиринту лестниц
А навстречу ей
Радостно бросается ветер
Озорник-ветер
Шаловливое дитя
Архитектурной причуды

---

⁴ Рок Вуазин (род. 1963) – канадский поэт-песенник, гитарист и радиоведущий; прославился лирическими песнями, нередко слащавыми. Красавец-брюнет. Выпустил много альбомов, в том числе «Сладкие песни», «Рождественский альбом», «Рождество Рока», «Целую дождь».

Опустошённый и усталый, мой Евгений
Готовился, откланявшись, уйти,
Как вдруг заговорил с ним бёркианский гений
Велеречиво: «Нам не по пути?»

Как радио сладкоголос
Картав немного и немного в нос
Жемчужны речи переливы
Пронзительны а то игривы

Да чтобы чёрт тебя унес.
«Не вспомню, говорила ль мне Татьяна,
Месье, где и когда встречались вы».
«Прителем я Ольги был когда-то,
Сестры её», – отрезал тут Евгений,
Стараясь дать ответ в таком же стиле,
Но, кажется, промазав глупо мимо.
«Чем дольше дружба, тем честней: в ней нет обмана;
Скрывать не стану – мне мила Татьяна.
У многих аспиранток был успех.
Но для меня она милее всех.
Зажгла огонь в моём потухшем сердце, вскоре
Став маяком моим в житейском море;
Мой светлячок, вцепившийся в гранит,
Огонь во тьме, что пылко так горит...»

Никто внимания не обращает вроде...
Признание в любви?
При всём честном народе!
Уж лучше б на всю площадь крикнул он:
Люблю Татьяну я! В Татьяну я влюблён!

«Знакомством с вами я польщён весьма...»
Да не совсем же он сошёл с ума?!
Зачем он мне про это? Ах, ну точно:
Подлец,
Он мучает меня, и мучает нарочно.
Тот снова за своё – сладкоголосо и барочно:
«Тоскливо жизнь моя текла,
И думалось мне: радость я утратил совершенно,
Пришла пора уйти – достойно и степенно;
Не юноша, – о, повидал я свет, —
И вдруг Татьяна разом озарила
Всю жизнь мою...»

«Вот Ленский был поэт,
– Евгений размышлял строптиво, —
Не то что этот старикан-дурила.
Поэтов столько развелось не в меру говорливых...»

Так он с ней спал?»

В девять утра такие вопросы
Задают себе только молокососы.
Но хоть Евгений не молокосос,
А для него это главный вопрос.

Так он спал с ней или нет?

И тут обрушился мильон терзаний
И тысячи незадаанных вопросов
Пока Лепренс всё про любовь талдычил
В классических александрийских виршах
И даже не спросила, где я, что я, чего достиг я в жизни наплевать ей
Иль просто ей давно я неприятен
Что, в сущности, естественно – сурово
Я с ней когда-то обошёлся очень
Так спит она с ним или нет
Проклятье
Я сам не помню что тогда сказал ей
«Татьяна милая...» нет, нет, гораздо хуже
Ни разу не назвал её я «милой»
Какой мудак
О милая поверь
Я был пародией тогда
На самого себя теперь
Она такую не была
Как измениться так смогла
С чего так изменилась, а?!
Но хороша каков прикид
Улыбка и прекрасный вид
А он с ней спит
Так он с ней спит?
А ты из-за зубных пластин
Не разглядел души кретин

Да разве можно влюбиться в женщину всего за полчаса
Или это любовь-воспоминание?
Ведь не был я в неё влюблён **тогда**
И был весьма придирчив я **тогда**
Да был ли человеком я **тогда**

Мне б хоть вспомнить что я ей сказал в тот злосчастный день
Надо точно вспомнить
Она должно быть ждёт моих извинений
Но не могу же рассыпаться в извинениях через пять минут после того как встретились
Не видевшись до этого десять лет
Да ещё прямо в метро
Уж не схожу ли я с ума из-за пустяков?
Такою же была тогда

Она с ним спит?

Неужто да

А если я продинамлю дедушкины похороны – это вообще кто-нибудь заметит? Да, мамуля заметит – мне ведь ещё речь произносить.

Семейный круг упёрт

О чёрт!

Да ведь она уже в библиотеке.

Догнать – быть может, ждёт она, чтоб я позвал её...

Нет, пусть сама звонит

Раз он с ней спит ах он с ней спит

В смятенье чувств несчастный мой Евгений,

И здесь его оставим мы на время,

Чтобы читателю напомнить наконец,

Где сей истории начало, где – конец;

Итак, чтоб воскресить событий стройный ряд,

Мы время повернём на десять лет назад.

2

Всё началось
В зелёном парижском предместье,
Ни богатом ни бедном —
Тут в легио-домике живут
две сестры с мамой —
Ольга и Татьяна.
У этой маленькой драмы
Есть и четвёртый игрок —
По прозвищу Ленский;
соседский сынок.

На самом деле его зовут Леонар,
и с ним неладно:
он увлечён сочиненьем стихов,
И это взрослым досадно.

«Ну, не Верлен... Ну, не Рембо».
«Поэтом стать тебе слабо».
«Ты наловчился – но ведь ловкий трюк
Ещё не есть поэзия, мой друг...»

Уж лучше бы классическим стихом писать ты научился!»
Соседи вторят им: «Вот-вот —
Блажь детская. Она пройдёт!»

Но Ленский чувствует себя в ударе,
Стихам подыгрывая на гитаре, —
Каждый стих не то рэп, а не то – недорэп:
Ведь он не Верлен, не Рембо.

А Ленский с Ольгой спит; и любит его Ольга.
Обоим только по семнадцать лет.
Он пишет ей нелепые признанья.
Представьте, я храню их до сих пор —
Они мне нравятся, смешны, наивны...
Но не только.
В них сладкая печаль о том, что так прекрасно
Казалось нам в былые наши годы,
Высокопарность клятв, слов нежных неуклюжесть,
Немыслимость посылов, их безумство, —
Что укус разума, на прожитом настоящем,
Зальёт перебродившим сожаленьем, —
Смешны анафоры, гиперболы раздуты,
А уж метафоры... от них – зубовный скрежет.
А ведь казалось, сладкие слова так нежат,
Как будто всё вокруг – ничто, и лишь любовь

Одна царит повсюду, и её лишь
Мы слышим нежный шепот, и читаем

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.